

НАША СТРАНА

SEM AN A R I O

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

“NUESTRO PAIS”

Organo Monárquico Ruso

Correo
Argentino
Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 329150

TARIFA REDUCIDA
Concesión N° 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233

AÑO IV

Buenos Aires, sábado, 29 de marzo de 1952

• Буэнос Айрес, суббота 29-го марта 1952 г.

No. 115

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Великая фальшивка Февраля

6

“ВETERАНЫ”

Настроение армии — в особенности ее тыловых формирований — было до чрезвычайности осложнено одним фактором, о котором во всей литературе, посвященной революции, я не нашел ни одного слова. Дело заключалось в том, что последние пред-революционные призывы включили в армию “ветеранов” русско-японской войны. Вся солдатская масса не могла не проявить самого острого интереса к боевому опыту этих ветеранов. Опыт был очень пессимистическим. Да, армия дралась героически, да, армия пролила ни с чем несообразное количество крови, но война все таки была проиграна. Та декламация о доблести и прочем, которая так принята в наших военных кругах, совершенно естественно, не имела никакого хождения в солдатской массе. “Ветераны” русско-японской войны стояли в общем на той точке зрения, что “начальство” не годится никуда, — даже по сравнению с японцами, — а что уж там говорить о немцах. “Ветераны” были правы. И если ген. В. Ипатьеву в его политических соображениях не стоит верить ни одному слову, то его профессиональные наблюдения интереса не лишены. В своей книге (т. 1, стр. 45) он пишет о том, как он, еще молодым офицером, окончив Михайловское Артиллерийское Училище, был вынужден в стоявшую в Серпухове, то есть под Москвой, артиллерийскую бригаду.

“Усовершенствованиями, которые разрабатывала наука для повышения боевой способности артиллерии, наши офицеры не интересовались и о них никто не знал... Командир моей батареи совершенно не имел ни представления о правилах стрельбы... С командирами других батарей выходили прямо анекдоты, и нам, молодым офицерам, было положительно совестно перед солдатами за незнание ими артиллерийского дела... В таком состоянии наша полевая артиллерия оставалась до русско-японской войны... Полное незнание современных тактических приемов вело к тому, что наша артиллерия была бессильна бороться против японской, которая быстро приводила ее к молчанию”.

Отзывы ген. В. Ипатьева — профессиональные отзывы — о выс-

шем командовании армией у б и т в е н н ы и они соответствуют действительности. В том же томе, стр. 285, он пишет о его “невежестве”, о “полной несостоятельности”, о “неспособности командовать армией”, об “ошибках, за которые офицер был бы немедленно исключен из военной академии”...

Это пишет генерал и профессор, наблюдавший события, так сказать, с в е р х у. “Ветераны” в свое время наблюдали их с н и з у. В. Ипатьев мирно получал свои ордена, солдатская масса платила своей кровью. В. Ипатьев констатирует “невежество “высшего командования, солдатская масса ощущала это невежество на своих костях. Выводы были приблизительно одинаковы: “все равно начальство и нас погубит и Россию погубит”. Это не было р е в о л ю ц и о н н ы м настроением. Даже и петроградский пролетариат в своем подавляющем большинстве никак не стоял за “долгой самодержавие”. Но вся страна была совершенно единодушна: “начальство это пора менять, — как сказал мне один из “бородачей”, — и чего это Царь смотрит, давно в шею пора это начальство гнать”.

Я не думаю, чтобы наиболее острые “комментарии” такого стиля делались бы в моем присутствии. Лично я старался “агитировать” за начальство: шла война и “менять начальство” было не время. Я говорил “бородачам”: “да, допустим, что наше начальство знает свое дело хуже немецкого, так ведь, и ты, Иван Митрыч, знаешь свое дело хуже немца”. “А это почему?” “Да вот, потому, что немец снимает с десятины по двести пудов, а ты, пожалуй, и пятидесяти не снимаешь”. На что бородачи отвечали — “да, ведь, только вчера из крепостных выпустили, машин у нас нет, подати” — словом, куренка выпустить некуда.

Моя агитация действовала плохо, или не действовала совсем. Мнение о начальстве было всеобщим — в особенности о военном начальстве. И военный министр Редигер, и редакция “Нового Времени” и солдатская масса, — о левых я уже и не говорю, — все придерживались одного и того же мнения. Того же мнения, если верить ген. Мосолову, придерживался и Государь Император. В редакции “Нового Времени” была довольно туманная информация о том, что Государь Император планировал — после окончания войны, — заняться полной реорганизацией военного и административного аппарата страны. Но об этом, конечно, никто ничего конкретного не знал — были только слухи. Но, может быть, эти слухи тоже послужили

толчком к дворцовому перевороту? Одно из “трагических противоречий русской жизни” заключалось именно в том, что “начальство” устарело до полного неприличия, а заменить его в те времена было еще нечем. Это есть основной фактор и наших военных неудач и наших революций. Стоя на троттуарной точке зрения можно, конечно, вешать всех собак на Милюкова, или все ордена на Деникина, или наоборот. Но если попытаться подняться над этой точкой зрения, то общая картина будет в достаточной степени ясна: правящий слой устарел и модернизироваться то ли не хотел, то ли не мог. Офицерский состав армии выслуживал свои лета, но не рассматривал себя в качестве профессионалов войны — он был “военным словом”. Он считал себя “доблестным”, прилагательное, которое не говорит решительно ничего. Генерал должен быть волевым человеком, должен быть у м н ы м человеком, должен быть к у л ь т у р н ы м человеком, должен знать свою профессию, — а до его доблести никому никакого дела нет. И если говорить о доблестном генерале, то это значит только то, что ничего более лестного о нем сказать нельзя.

НА ПЕРЕЛОМЕ

С конца русско-японской до начала русско-германской войны русская армия совершила гигантский скачок вперед. И если в японскую войну русский артиллерийский офицер был хуже даже и японского, то в германскую он был лучше даже германского, — кажется, стал вообще лучшим артиллерийским офицером мира. Но если в 1904 году у него не было з н а н и й, то в 1915 у него не было снарядов, — так что практически получилось то же самое. И с точки зрения “бородачей” виновато было “начальство”: “а начальство чего же смотрело?” Дальше: если для “модернизации” высшего командного состава армии было достаточно пяти-семи лет, то для модернизации среднего нужно было лет десять-пятнадцать. Для модернизации высшего — лет двадцать-тридцать. Получалась д и с п р о п о р ц и я: чем выше и ст о р и ч е с к и: ген. А. Деникин в “Старой Армии” пишет, что его сверстники по чину жили еще психологией крепостного права, — а эта психология означает не только “социальную”, но и т е х н и ч е с к у ю отсталость. Взяв на себя роль Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Империи, Государь Император никак не ограничивался “ролью”. Он командовал и в самом деле, оставив ген. М. Алексе-ву только техническое проведение

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
ВЕЛИКАЯ ФАЛЬШИВКА ФЕВРАЛЯ

Борис Башилов
МОРЮКИ ИЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ?
(Продолжение).

Борис Ширяев
УСТАНОВКА ПРИЦЕЛА

Борис Павлов
МОНАРХИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА
(Продолжение)

В следующем номере:
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
РАЗМНОЖЕНИЕ ЦЕТРОВ
(продолжение статьи
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ,
напечатанной в No. 114)

Его военных планов. А Государь Император был все таки самым образованным человеком России. Может быть, и самым образованным человеком мира.

Конечно, — что есть образование? Если считать им запас цитат, накопленных в любой профессорской голове, то самым образованным человеком России был проф. П. Н. Милюков: он, если верить его биографам, писавшим, правда, в его же собственной газете, знал все: от истории мильян до теории контрапункта. Что никак не помешало П. Милюкову — в 1916 году говорить о “глупости или измене”, в 1917-ом звать к з а в о е в а т е л ь н о й войне, в 1919-ом вести кампанию против Белой Армии и в 1936-м звать эмигрантскую молодежь к возвращению в Россию: “бог бестактности”. Государю Императору преподавали лучшие русские научные силы — и историю, и право, и стратегию, и экономику. За Ним стояла традиция веков и практика десятилетий. Государь Император стоял, так сказать, на самой верхушке уровня современности — вот, посещал же лабораторию Ипатьева и подымался на самолете И. Сикорского, был в курсе бездымных порохов и ясно видел роль авиации — по тем временам авиация считалась или делом очень отдаленного будущего или, еще проще, — прожектерской затеей. Государь Император сконцентрировал свои силы на победе — довел армию до полной боевой готовности — дело только в том, что об Его усилиях и о Его квалификации никто ничего не знал.

Я не хочу рисовать старую Россию ни в черных тонах, как это делают

левые дни в белых, как это делают правые: нужно дать не черно-белую, а цветную фотографию, — цвета же были очень пестрыми. С одной стороны Д. Менделеев с периодической системой элементов, И. Сикорский с "Ильей Муромцем", Циолковский, — сейчас забытый, с его ракетными двигателями; с другой стороны — Царь, который верил в Народ. И Народ, который верил в Царя. И — посередине "средостение", которое за очень редкими исключениями не годилось никуда. Думаю, что самым idiotским учреждением этих лет была все таки цензура.

До войны в России существовала полная свобода печати, — я бы сейчас сказал, гипертрофированная свобода печати. Во время войны, как и во всех воюющих странах мира, была введена военная цензура. Туда была запихана всякая заваль из всего того, что имелось в военном ведомстве. Эта цензура не только цензурировала, она кроме того, и давила, — и официально и неофициально. Редакция посылает свой материал в цензуру, и цензор может вернуть его через час, но может вернуть и через три часа, — то-есть когда материал уже запоздал для ротационной машины. Давить на правую печать было трудно. На левую на много легче. Поэтому получался еще один парадокс — правое "Новое Время" было весьма сдержанно в своих военных обзорах и корреспонденциях, — левая печать захлебывалась от военного патриотизма. В левом "Русском Слове" растрига Г. Петров стал военным корреспондентом и обозревателем, и сам, единолично побил и в полон забрал в три раза больше немецких солдат, чем их существовало в реальности. Мой подсчет по этому поводу цензура все-таки зарезала. Блестящий рождественский рассказ А. М. Ренникова в "Новом Времени" в 1916 году был посвящен раскаявшемуся военному корреспонденту. Словом, в печати установился тон, которому уж решительно никто не верил примерно тот тон, какой ныне принят в некоторых органах печати по адресу Белых Армий: доблести хватило бы на весь мир, а война, извините, все таки, проиграна. К осени 1916 года русская армия была, наконец, вооружена. Ген. В. Ипатьев пишет (стр. 554):

"Войну мы свободно могли продолжать еще очень долгое время, потому что к январю и февралю 1917 года мы имели громадный запас взрывчатых веществ в миллионах различных снарядов и, кроме того, более миллиона пудов свободных взрывчатых веществ".

Кстати, этот подъем русской химической промышленности — из почти ничего до миллионов пудов — был сделан усилиями частной промышленности а не казенной. В 1915 году частные заводы повысили свою продукцию с 1,4 тыс. пудов в феврале до 74,0 в октябре. Казенные за то же время — с 5,0 до 11,5 (там же стр. 454).

Это еще одна иллюстрация к вопросу о государственном "общественном" хозяйстве и о частной "капиталистической" инициативе. Отсутствие частной инициативы — и во время мира, и во время войны — оплачивается миллионами человеческих жизней и голодом для остающихся миллионов.

Государь Император относился с величайшим вниманием к мобилизации или, точнее, к стройке русской военной промышленности — отдавая этому делу и массу внимания и громадные средства, но главная техническая заслуга лежит, все-таки на А. Гучкове и В. Ипатьеве. Если А. И. Гучков был, конечно, душой и мозгом февральского переворота, если ген. В. Ипатьев сейчас повторяет клевету на Царскую Семью, — то это и никак не исключает огромной организационной работы и А. Гучкова и В. Ипатьева для вооружения русской армии. Чернобелую фотографию — даже еще и на контрастной бумаге — я предоставляю прессе, предназначенной для троттуарного уровня.

Во всяком случае, к зиме 1916 года и, тем более, к весне 1917 г., русская армия была, наконец, вооружена до зубов. И об этом не лезя было писать. Не лезя было сказать и стране и армии и петроградским "бородачам", что теперь уж русский артиллерист имеет достаточное количество артиллерии и что он уж не подведет, что это есть, все-таки, лучший артиллерист в мире и что за ним где-то лежат "миллионы различных снарядов". В цензуре сидели, конечно, гениальнейшие генералы старого времени, — и они предполагали, что обо всем этом немецкая разведка, которая пронизывала весь Петроград, не имела никакого представления. Как документально выяснилось впоследствии, немецкая разведка имела не только общее представление, но и точные цифры. А, вот, ни страна, ни армия, ни "бородачи", ничего этого не знали. Преподынящая же "ура-патриотическая" пропаганда подорвала всякое доверие и к тем намекам, которые все таки просачивались в печати.

Словом, сидели набитые, как сельди в бочке, "бородачи", и среди них вели свою пропаганду и "великосветские салоны", и Пуришкевичи, и Керенские, и большевики, и, конечно, через большевиков, немцы. И никакого противодействия этой пропаганде не было. Весь Петербург талдычил об "усталости от войны". Совершеннейший вздор: Великую Северную войну Россия вела 21 год. Вторую Мировую Советские ввели почти четыре года, — Карл XII дошел до Полтавы, Гитлер дошел до Волги, и никакая "усталость" не помешала — ни Полтаве, ни Берлину. В феврале 1917 года чисто русской территории немцы не занимали, — если не считать небольших клочков в Белоруссии и на Волыни. Еды в России было сколько угодно, — продовольственный экспорт был прекращен, — и только в Петрограде были некоторые перебои. Но был правящий слой, который хотел победы, но который хотел победы для себя, а не для России и который подорвал Россию с обеих сторон. И слева, и еще больше — справа. Вот почему моя цветная фотография не нравится никому.

***

В общем, все тонуло в болоте правящего слоя. Тонули в крови фронтовики, тонули в тревоге и неведении "бородачи", и вся Россия тонула в слухах: "слабовольный Царь, истеричная Царица, влияние Распутина, немецкий шпионаж"... И вот на этом психологическом фоне прозвучал первый выстрел русской революции —

убийство Распутина. Оно подтвердило самые худшие слухи: если уж такие монархисты, каким был В. М. Пуришкевич, и такие великие князья, каким был Дмитрий Павлович, берутся за огнестрельные доводы, — значит, дело действительно дрянное. Впечатление в низах было ужасающим: вот до чего дошло!

Так, наш правивший слой реализовал стратегическую доктрину Клаузевица-Ганнибала: охват с левого фланга, охват с правого фланга, прорыв центра, и — самоубийство.

Это было — справа. Слева шла, в частности, травля министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Если вы дадите себе труд просмотреть литературу того времени, или литературу о том времени, то, вероятно, вы отметите странную черту: вся атака левых — против А. Д. Протопопова. Никаких мало-мальски конкретных обвинений ему не предъявлялось. Кроме одного: он, де, был "распутинским ставленником". До его назначения министром, он был избран товарищем председателя Государственной Думы. Что ж, и Государственная Дума избирала его под распутинским влиянием? Его считали "изменником своему лагерю", — на этот раз левому. Дело же заключалось в том, что А. Протопопов был, может быть, единственным сержантом среди рухляди правящего слоя, и именно он докладывал Государю Императору о настроениях петроградского гарнизона и о том, что положение в Петрограде "является угрожающим". На основании этой информации, Государь Император повелел ген. В. Гурко убрать из столицы ненадежные части и заменить их гвардейскими частями с фронта. (С. Ольденбург пишет (стр. 240):

"Ни градоначальник, ген.-майор Балк, ни командующий войсками Округа, ген.-лейтенант Хабалов, не считали положение дел угрожающим. Ни ген. Гурко, ни ген. Балк, ни ген. Хабалов повеления Государя Императора не выполнили, сославшись на то что в казармах совершенно некуда вывести".

Итак: об "угрожающем положении" докладывал Государю Его министр. Об этом положении французскому послу говорил ген. В. Об этом положении практически говорил весь Петроград. И три генерала не могли найти места для запасных батальонов на всем пространстве Империи. Или места в столице Империи для тысяч двадцати фронтовых гвардейцев.

Это, конечно, можно объяснить и глупостью. Это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, что все в мире ограничено, — даже и человеческая глупость. Это была и змея. Заранее задуманная и заранее спланированная. Маршевые батальоны из столицы выведены не были, — им, видите ли, не хватало места во всей России, гвардейские части в столицу переброшены не были, — им, видите ли, не хватало места в столице. Полиция, почти безоружная, и учебные команды насчитывали в своем составе 10.000 человек — против, по меньшей мере, двухсот тысяч ненадежного гарнизона, — НЕ считая "вооруженного пролетариата".

Петроградские заводы и склады были переполнены оружием, сработанным для Действующей Армии. Это оружие практически находилось в руках "пролетариата". Советская история СССР несколько туманно указывает на то, что "рабочим удалось захватить 40.000 винтовок". Хотел бы еще и еще раз повторить: петроградский пролетариат, несмотря на всю его "революционную традицию", и никакого участия в февральских днях не принимал. К сожалению, в данный момент я не могу это доказать. На поверхность революционных дней выплыла какой-то иерусалимский сброд, который уже и после отречения Государя Императора заботился главным образом об одном: как бы внести возможно больше хаоса. По всей вероятности, всего этого мы не узнаем никогда: и немцы, которые финансировали большевиков, и большевики, которые получили деньги от немцев, сделали или еще сделают все, что только возможно, чтобы следы этой позорной коммерческой сделки уничтожить начисто. Но тысяч пять такого сброда в столице все таки нашлось.

Полиция была, в сущности, совершенно безоружна — револьверы и шашки. О гарнизоне я уже говорил. Оставались "учебные команды" да и те были под командованием тех же генералов, которые по велению Государя Императора НЕ выполняли.

Государь Император был перегружен сверх всякой человеческой возможности. И помощников, — верных и культурных помощников, — у Него не было. Он заботился и о потерях в армии и о бездымном порохе, и о самолетах И. Сикорского, и о производстве ядовитых газов, и о защите против еще более ядовитых "салонов". На Нем лежало и командование Армией и дипломатические отношения, и тяжкая борьба с нашим нелюбопытным парламентом и, Бог его знает, что еще. И вот тут то Государь Император допустил роковую ошибку: поверил генералам Балку, Гурко и Хабалову.

Именно этот роковой недосмотр и стал исходным пунктом Февральского дворцового переворота.

А этот дворцовый переворот стал, в свою очередь, исходным пунктом не для одной и воображаемой Февральской революции, а для всего того революционного процесса, который начался свержением Царя, сейчас привел нас всех к порогу Третьей Мировой войны.

О поведении ген. Хабалова могут быть, конечно, разные мнения: наиболее лестное сводится к тому, что в Февральские дни он "растерялся". Акад. В. Н. Ипатьев приводит другой, на этот раз истинно классический, случай генеральской растерянности. В томе 2, на стр. 9 он рассказывает о заседании, на котором присутствовал он сам. Заседание происходило у военного министра ген. Беляева, 22 февраля, и было посвящено вопросу о надвигающихся "беспорядках". Для предотвращения распространения этих беспорядков на весь город, "растерявшийся" ген. Беляев не нашел предложить ничего более умного, как... развести мосты через Неву, — это в феврале, когда по Неве не только люди, а и трамваи ходят. Чем же все это было? Растерянностью или планом?

Попробуйте соединить все отдель-

ные точки этого плана в одну линию: срывается вооружение полиции, в столице концентрируются сотни тысяч заведомо ненадежных людей, НЕ выполняется Высочайшее повеление об их уходе, НЕ выполняется Высочайшее повеление о переброске гвардии, НЕ выполняется Высочайшее повеление о подавлении бабьего бунта. И в качестве исходной идеологической базы для всего этого “плана” стоит распутинская легенда, вышедшая из тех же кругов.

Легенда — исключительно живучее существо. Легенда о распутинском влиянии живет и до сих пор, хотя советские данные (см. у Ольденбурга на стр. 193) не оставляют абсолютно никакого сомнения в том, что никакой политической роли Распутин не играл. Легенда выросла, как писал крайне правый историк русской армии А. Керсновский, “из августейших салонов”. Тот же акад. В. Ипатьев повторяет ее в своих мемуарах, и повторяет ее, как не подлежащий никакому сомнению факт. Итак: академик, царский генерал, один из крупнейших химиков современности, сообщает американо-аудитории о слабости и бездарности Царя, о влиянии Царицы на Царя, и Распутина — на Царицу, и о том, что в общем и целом, русскую политику определял Распутин. Кто из американцев не поверит академику Ипатьеву и кто поверит И. Солоневичу и С. Ольденбургу? В. Ипатьев рекомендует себя, как человека, стоящего вне политики, как химика и философа. И в качестве доказательства распутинского влияния приводит такой факт (стр. 411, том. 1): “супруга одного “поч-

тенного генерала“ просила отправить ее мужа в Крым на казенный счет в поезде для раненых. Получив от Красного Креста отказ, она, вместе со своей сестрой, очень миловидной женщиной, вдовой тоже генерала, отправляется к Распутину и устраивает своему мужу бесплатный проезд”. Есть маленький намек на то, что протекция была оказана не вполне бесплатно. Итак, вот вам “влияние”. Проезд из Петербурга в Крым стоил первым классом, вероятно, рублей пятьдесят, и за пятьдесят рублей жена и вдова генерала (“обе состоятельные женщины”, отмечает ген. Ипатьев) идут к “старцу”. Других примеров у академика Ипатьева нет. Едва ли кто-либо из его американских читателей уловит полную несообразность этого примера. А легенда укрепилась еще больше: выдающийся ученый, царский генерал, беспристрастный человек, стоящий вне партий и вне политики... И, вот, да же он...

Повторяю еще раз: выпуская книгу, проф. В. Ипатьев мог и был обаян навести кое-какие справки, мог проверить слухи по материалам послереволюционной Следственной Комиссии. Убийство Распутина превратило легенду в факт: не из-за прихоти же, в самом деле, люди пошли на убийство! Очень вероятно, что та историческая наука, которая когда-то, наконец, появится у нас, очень много объяснит общественной истории. Очень может быть, что какие-то данные мы узнаем еще и о немецких махинациях в России. Всех их, видимому, мы не узнаем никогда, — по крайней мере достаточно подробно и доку-

ментально. В 1921 году П. Струве, тогда уже законченный монархист, писал в “Русской Мысли”:

“Германия, которой в русской революции принадлежала роль устроителя и финансирующей силы, создала целую литературу о ней, в связи с государственным банкротством России. Это были теоретические проекты того разрушения России, за которое во время Мировой войны Германия взялась практически”.

Это было написано за двадцать лет до германо-советской войны, в которой “теоретические проекты разрушения России” приняли окончательный верный характер. Но еще и сейчас, и после этой войны, находятся русские и даже “национальные” публицисты, которые проливают слезы по нюрнбергским висельникам, строят совершенно детские легенды об “английском заговоре” и все еще мечтают то ли о генерале Эйхгорне, то ли о партайгеноссе Кохе. “Кого Бог захочет погубить — отнимет разум”. Кого Бог продолжает губить — разума не возвращает.

Лично я думаю, что в подготовке Февраля немецкие деньги никакой роли не играли. Эту подготовку вели люди, которые, как и царевы 11 марта 1801 года, не нуждались ни в каких деньгах: богатейшие люди России. Но подпольный мир Обводного Канала, ночлежек, притонов, отчасти и случайных новых рабочих петроградской промышленности, был использован немецкими деньгами до конца. Однако, все это было уже

после Февраля. Сейчас я говорю только о феврале. В феврале месяце Петроград представлял собою пороховой погреб, к которому оставалось поднести спичку. Роль этой спички или детонатора или “случая” — называйте, как хотите, пришлось на долю чухонских баб. Так что, при добром желании, историю Февраля можно средактировать так: в февральской революции виноват А. Керенский. Но можно средактировать и иначе: февральскую революцию сделали чухонские бабы Выборгской Стороны.

Иван Солоневич.

**ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть II — Дух Народа.**

вышла отдельным изданием и поступила в продажу у представителей “Нашей Страны” и в лучших книжных магазинах Зарубежья.

Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

**ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА
“НАШЕЙ СТРАНЫ”**

Аргентина — 1.50 песо; САСШ — 25 ам. цент.; Канада — 25 кан. цент.; Бразилия — 4 круз.; Венеция — 0.75 бол.; Уругвай — 30 ур. цент.; Парагвай — 1.30 гуарани; Чили — 8 чил. песо; Англия — 1 шилл.; Франция — 50 фр.; Бельгия — 8 бельг. фр.; Швейцария — 75 сант.; Германия — 75 пфен.; Иран — 8 риал; Австралия — 1 ш. 3 п

В остальных странах — приблизительно из расчета 25 ам. центов.

Объявления о розысках — 1 долл.

турного человечества. Мы привыкли думать, что римская империя была великим братом, — и эта мысль была правильной мыслью. Потом — более или менее на наших глазах стала строиться Британская Империя и мы, при всяких там подозрениях по адресу “коварного Альбиона”, относились весьма почтительно, чтобы не сказать сочувственно, к государственной мудрости британцев. Мы, к сожалению, “своею собственной рукой” помогли построить Германскую Империю и нам, во всех наших гимназиях и университетах тыкали в нос: Гегелей, Клаузевицев, Круппов, — германскую философию, германскую стратегию, и, паче всего, германскую организацию. В начале прошлого века очень много русских образованных людей искренне сочувствовали и наполеоновской империи, — вспомните хотя бы Пьера Безухова. Да и Кн. Андрей Болконский ничего, собственно, против Наполеона не имел.

Наполеоновская Империя рухнула, Германская Империя рухнула. Сейчас гибнет Британская Империя. Российская, — даже и при Сталине, — не проявляет пока никаких признаков распада. Мы начисто забываем тот факт, что из всех нынешних государственных образований Европы русская государственность является самой старшей, что Российская Империя уже просуществовала одиннадцать веков: от “Империи Рюриковичей”, “созданной” Олегом — до Империи гегелевичей, пока что управляемой Сталиным. Британская Империя продержалась лет триста, примерно, от Кромвеля до, примерно, Эттли, римская — лет пятьсот, германская — лет пятьдесят, и французская республика от времени до времени и сейчас называет себя империей.

Русская интеллигенция, верная своим антирусским настроениям, относилась в общем весьма сочувственно ко всяким империям — кроме нашей собственной. Я отношусь так же сочувственно ко всяким империям, но в особенности, к нашей собственной. Редьярд Киплинг писал: “трагичен для мира будет тот день, когда Британская Империя перестанет расширяться” — теперь она распадается. Мы переживаем сейчас тот истинно трагический момент мировой истории, когда Российская Империя морально отсутствует: при ее наличии сегодняшний мировой кабак был бы совер-

то с очень большими оговорками — против арабов. С тех пор европейские войны были, так сказать, поверхностными войнами. А Гитлер мимоходом разгромив Францию, старался обращаться с ней по возможности вежливо. Гитлер еще не разгромив СССР, обращался с его населением, точно так же, как обращался в свое время Батый. Какая бы ненависть ни разделяла немцев и французов, они друг для друга остаются все-таки своими людьми — европейцами, Россия и для Польши, и для Германии, была по меньшей мере колонизальным вождедением. И Польше, и Германии в России нужны были две вещи: земля и рабы. Даже половцы и татары выступали с более скромной программой: тем нужны были только рабы. Польша, кроме рабов и земли, систематически посягала даже и на религию России, чего опять таки не делали ни Кончак, ни Батый.

Эта объективно данная обстановка, более или менее, автоматически приводила к централизации и концентрации власти. И Киевская Русь держалась до той поры, пока существовала центральная и сильная княжеская власть. С распадом этой власти — погиб и Киев.

Попробуем перевести эту объективно данную обстановку на язык современной политической демократии. И, проще и нагляднее всего, — на язык сегодняшней политической “машинки” САСШ. Итак: князю в Киеве, Царю — в Москве или Императору в Петербурге докладывают: половцы — в Лубнах, татары — на Уче, поляки — в Смоленске, шведы — под Полтавой, Наполеон — в Москве и т. д. Князь, Царь или Император созывает верхнюю и нижнюю палату парламента. В обеих палатах начинаются прения — о политике, о войне и кредитах, и о прочем в этом роде. Создаются согласительные комиссии. Самые предприимчивые люди страны снабжают половцев, поляков, шведов и прочих, русским оружием, зарабатывая на этом пятьсот процентов. Адмиралы восстают против генералов, генералы восстают против центральной власти, центральная власть зависит от голосующего “человека с улицы”. Человек с улицы одурманен устными или письменными сенсациями, на человека с улицы давит “общественное мнение”, формируемое — чорт его знает кем. И теми же половцами (пятая колонна), и налогоплательщиками, и спекулянтами. Квакеры говорят о полководческих достижениях, генералы планируют истребление по-

Борис Павлов

МОНАРХИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Человечество, само того не замечая, вступило в течение последнего двадцатилетия в новую для него эру пересмотра демократических понятий. Правда, до сих пор еще повсюду слышны речи о торжестве демократии во всем мире, о подлинном народовластии, но уже постепенно люди возвращаются к мысли о единстве власти, о сильной власти, могущей защитить население от врагов внешних и внутренних. Демократическая идея облекается в форму идеи защищенного интереса народа и отдельной личности. Анархизм и утопизм постепенно заменяются реализмом.

Одновременно в умах вершителей судеб мира сего все чаще возникают идеи о создании мирового правительства с международной полицией, должностящего объединить все нации в целях недопущения агрессии и произвола со стороны отдельных стран. Развитие последней идеи, однако, тормозится странами с тоталитарными режимами, в которых современные диктаторы с их широко развитой иностранной агентурой помышляют не об объединении с другими нациями, а о покорении всего человечества.

Как показывает история новейшего времени, тоталитаризм возник непосредственно из народовластия, переродившегося в идею делегации прав народа вождю и возглавляемой им партии (гитлеровская Германия), Италия периода Муссолини, СССР с диктатурой Сталина и коммунистической партии).

В различных странах и у различных народов демократия обычно понималась, как власть для народа, как власть, созданная народом. Государствоведы различных стран и эпох потратили много труда, а еще больше чернил, чтобы доказать возможность практического осуществления принципов народовластия, понимаемых ими как управление государством в интересах большинства. Понятие "большинство" является понятием сугубо относительным, т. е. если исходить из цифр абсолютных, то и меньшинство (в особенности в странах многонациональных) может представлять совокупность миллионов людей, интересы которых остаются незащищенными. Избирательные системы в ряде демократических стран показывают, что не избиратели сами являются вершителями своих интересов, а политиканствующие вожди различных партий, ставших "специалистами" по представительству народных интересов. Эти "водители", поэтому, обязаны всегда следить за своей личной популярностью, они всегда должны обещать нечто новое, могущее заинтересовать определенные круги населения в поддержании их кандидатур. При подобной системе государственная власть не может отражать интересы всех слоев населения.

"Сильные вожди" зачастую перерождаются в диктаторов, так как не хотят расстаться с властью. Кроме того, считая себя гениальными, чуть

ли не богами, эти люди забывают о среднем нормальном человеке, о рядовом подданном государства, вынужденном нести на своем горбу все последствия экспериментов различных диктаторов, имеющих смелость утверждать, что их права на власть возникли вследствие просьб и любви всего народа к ним и на основании самых демократических конституций в мире.

Все эти факты, доказанные ныне историей, естественно ставят вопрос о том, не является ли идея народовластия простым мифом.

Для того, чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо в первую очередь осветить понятие взаимоотношения власти с населением в любом государстве.

Всякое государство состоит из трех элементов: населения, территории и власти. Если один из указанных элементов отсутствует, то не может быть и государства. Каждое государство возникает не случайно, а как продуманная воля населения, занимающего определенную территорию, связанную взаимными интересами, общностью культуры и судьбы и т. п., как вся к некоторому ограничению личных интересов во имя общих.

Роль власти в государстве состоит в том, чтобы служить интересам всего населения и каждой отдельной личности, оберегая весь народ и отдельную личность от различных посягательств извне и внутри государства.

Личность каждого отдельного человека неповторяема. Каждый человек, прежде всего, хочет жить, творить и работать для себя и своей семьи. Это естественное желание среднего, нормального человека. В любом государ-

стве людей с такими "примитивными" требованиями значительно больше, чем героев, живущих только подвигами властвования и политики.

Человек — существо общительное. Большинство людей живет не на необитаемых островах, а в окружении себе подобных. Жизнь отдельного человека и его интересы переплетаются с его окружением. В XX столетии, с его возросшей техникой и цивилизацией, жизнь одинокого островитянина кажется уже невозможной. Личный интерес (духовный и материальный) человека толкает его на связи с определенной средой, в зависимости от его профессии, рода занятий и пр. Природа человека так уж устроена, что ему хочется иметь гарантии в том, чтобы его труд, его творческая деятельность, его собственность находились бы под защитой власти. Одинокому островитянину власть не нужна, ибо он сам себе государь. При общении с себе подобными человеку нужен государь, т. е. определенная личность, которая, находясь по своему высокому положению вне пределов досягаемости всяких политических интриг и опираясь на систему различных учреждений (народных), беспристрастно защитила бы его нарушенный интерес.

Жизнь современного нормального человеческого общества — это жизнь отдельных людей с их духовными и материальными интересами, оформленным состоянием в различных организациях, союзах, обществах и т. д.

Все эти организации, с которыми человек связывает свою жизнь и судьбу, направлены к доставлению ему наилучшего положения в его личной жизни и деятельности. Разнообразие

рабоченных половцами племен — и пока все это демократически происходит, — врываются половцы и сажают всех на кол. Прения прекращены.

Нечто очень близкое к этой утопической картине произошло ведь и с нашим недоношенным парламентом. Он начал свою жизнь яростной атакой на центральную власть. Кое-как он был разогнан. Он тормозил вооружение страны. И в самый переломный момент войны центральной властью стал сам. Разрешил въезд в Россию половецкой пятой колонне, предложил половецким и печенежским мир без анексий и контрибуций, развалил армию и страну, и спасся под крылышко очередной демократии, откуда препринимает свой очередной поход на государственное бытие России.

Следовательно: парламентские способы обсуждения вопросов жизни и смерти страны и нации — для России были технически невозможны — как во время Владимира Святого, так и во время Николая Александровича. И с другой стороны, когда дело шло о вопросах канализации во всем ее разнообразии, то киевская, московская и отчасти даже и петербургская Россия действовали чисто парламентскими способами: можно поговорить, время е с т ь . . . Ниже я привожу трогательное повествование проф. Кизеветтера о том, как именно московский "Союз Городов" обсуждал петровский проект нового городского положения: совершенно парламентские методы.

Повествование проф. Кизеветтера я называю трогательным потому, что оно появилось только в эмиграции — только после того, как замешенная, заквашенная и испеченная нашей профессурой революция оказалась совершенно несъедобной. Пока дело шло о ее выпечке — профессора о прошлом нашей страны нам не сказали ничего толкового.

Таким образом, организационные принципы русской государственности, — от Олега до Николая Второго, — вопрос о жизни и смерти предоставляли компетенции самодержавия. И вопросы канализации — компетенции самоуправления.

Эта система продолжалась одиннадцать веков. В сущности, те же одиннадцать веков продержалась и система обороны: дальневосточная армия Блюхера только повторила основные принципы позднего казачества и ранних "валов" и "засек". Дальневосточная армия считалась лучшей из со-

ветских армий. Во Вторую Мировую войну нечто вроде этого попытались организовать немцы с их "вербажерами". — вооруженным крестьянством, — которое должно было "на востоке" сыграть роль германского казачества. Ничего и не вышло.

Киевская Русь интересна не как театр военных и политических действий между Ростиславовичами и Мстиславовичами, — хотя были и эти действия. Она интересна, как эмбрион русской государственности. В этом эмбрионе оказались заложенными все те принципы, на которых эта государственность стояла и будет стоять: уживчивость, организованность, упорство, боеспособность и умение подчинять личные интересы интересам целого. Илья Эренбург в 1941 году почти буквально повторил летописные афоризмы Святополка о "чести русского имени". Вячеслав Молотов в 1939 г. повторил политические требования Олега. Русская общественность при Владимире Мономахе так же протестовала против попыток посадить к нам из Византии смертную казнь, как она протестовала при Ленине-Сталине. Православие было принято Русью прочно и окончательно: без религиозных войн, без инквизиции, почти без ересей и почти без всяких попыток заменить его чем-либо иным.

РУССКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.

Я, конечно, русский империалист. Как и почти все остальные русские люди. Когда я в первый раз публично признался в этой национальной слабости, сконфузился даже кое-кто из читателей тогдашнего "Голоса России": ах, как же так, ах, нельзя же так, ах, на нас обидятся все остальные... Люди, вероятно, предполагали, что величайшую империю мира можно было построить без, так сказать, "империалистических" черт характера, и что существование этой империи можно как-то скрыть от взоров завистливых иностранцев. Кроме того, русская интеллигенция была настроена против русского империализма, но не против всех остальных.

В гимназиях и университетах мы изучали историю римской империи. На образцах Сцевола, Сципионов, Цицеронов и Цезарей воспитывались целые поколения современного куль-

человеческой деятельности, переплетающееся с различными формами деятельности других людей и их организаций, определяют комбинацию различных человеческих интересов, составляющих жизнь современного общества.

Это общество, заключенное в рамки известной государственной организации для своего нормального развития и гармонии нуждается в справедливом супер-арбитре, наблюдающем и направляющем гармонию интересов отдельного человека и общества в целом.

Отдельный человек заинтересован прежде всего, в покое, т. е. в том, что бы его справедливые человеческие интересы были защищены, чтобы его деятельность и жизнь могли бы развиваться в условиях наибольшего благоприятствования, чтобы власть создала бы ему эти условия, защитив его от всяких нападений извне и внутри.

В этих двух примерах заключены следующие понятия: 1) личный интерес рабочего, как жителя определенной местности, 2) личный интерес рабочего, как работника.

Оба эти понятия относятся к сфере лично-общественной, где только самоуправление может дать наилучшие результаты.

Нам кажется, что слово “покой”, т. е. уверенность в завтрашнем дне, как нельзя лучше подходит к выражению желаний и надежд всех народов, а русского народа в особенности. После 34-х лет советско-большевистских экспериментов, мысли каждого человека останавливаются именно на этом чудесном понятии — “покой”.

В самом деле, не мечта ли для каждого подсоветского человека не бояться больше “черного ворона” МВД, общах, бесконечных собраний, обязательных “проработок” Ленинизма-Сталинизма, постоянного голода, холода, нищенской оплаты труда, вечных мобилизаций и т. п.

Какая политика ближе сердцу любого подсоветского человека — прославление Сталина по приказу коммунистических владык или разумное устройство по своему вкусу своей личной и общественной жизни?

Большевистское учение о том, что каждая кухарка может управлять государством, давно уже вызвало чувство тошноты у каждой кухарки, оторванной от своего очага и семьи для проведения фарса государственного управления под “мудрым водительством вождя и учителя всех народов”, Иосифа Джугашвили.

Покоя, покоя и покоя — мысленно твердят 90% подсоветского населения.

—Отдохнуть бы от колхозной неволи, — думают колохозники;

—отдохнуть бы от принудительной работы на данном заводе, — мечтают рабочие;

—отдохнуть бы от нечеловеческих звуков советской пропаганды, — молится беспартийная интеллигенция;

—отдохнуть бы от войн и коммунистического окружения, — мечтают рядовые бойцы и некоторые офицеры советской армии, дивясь на страны запада, где все люди живут богаче кулаков;

—отдохнуть бы навсегда от советской власти подсознательно думают все, не продавшие своих душ коммунистическому режиму.

“Лучи сталинской конституции” давно уже научили людей тому, что советская избирательная система — гнусная ложь, заставляющая людей

разыгрывать постыдную роль избирателей неизбежного списка коммунистических убийц человеческих душ.

Люди, живущие в Советском Союзе, давно уже поняли, что управлять государством и самоуправляться — понятия разные, но обезличенные советской властью.

Человеку свойственно, в первую очередь, интересоваться своей личной жизнью и своим непосредственным оружием.

Поясним эту мысль следующими примерами.

Если, допустим, в Москве все улицы покрыты асфальтом, а в Рязани в дождливый день по улицам пройти невозможно из-за липкой грязи, то житель Рязани, прежде всего, захочет увидеть у себя в Рязани асфальтированные улицы, а потом придет к мысли, что и столица достойна иметь не худшее. Если рабочий в Рязани работает в плохих условиях труда и мало зарабатывает, его мало интересует список московских лучших предприятий и т. п.

Советская власть лишает людей местного самоуправления, а сама управляет самоуправлением, так как активно вмешивается в лично-общественную сферу интересов каждого отдельного человека и общества. Общеизвестен факт, что профсоюзы и горсоветы управляются компартией, исключая всякую свободную инициативу. Советским государством управляет та же компартия, а отсюда идея народного представительства является полностью уничтоженной большевиками.

Понятие власти и ее происхождения — один из самых спорных вопросов государственного права. К источникам возникновения власти государства относятся: 1) захват власти отдельным лицом или партией, 2) государственный переворот, 3) революцию, 4) выборность власти, 5) божественное происхождение власти.

К этим источникам происхождения власти большевики прибавили еще один вид — диктатуру пролетариата, как узаконенный захват власти в интересах большинства. Этот тезис нужен был большевикам лишь для того, чтобы на первых порах скрыть действительную сущность коммунистической диктатуры явного меньшинства, ибо во времена захвата власти пролетариат представлял собою меньшинство по сравнению с остальным населением России.

Большевистская пропаганда о том, что сталинская конституция является самой демократической в мире конституцией расшифрована народом, как явная ложь и фальшивка. Отгалкиваясь от этой лжи народ продолжает мечтать о подлинной демократии, о власти народной, как об антитезисе диктатуры.

Большевики потратили много времени и труда на то, чтобы попытаться доказать, что царская власть в России была диктатурой царя, опиравшегося на правящее сословие — дворянство.

Несмотря на все усилия советской власти и ее аппарата пропаганды опорочить царскую власть в сознании людей, для последних все же неясным остался вопрос: каким образом царям удалось построить столь обширное и сильное государство — Россию, “гнилым прошлым” которого большевики пользуются до сегодняшнего дня? Эта неясность запретного прошлого, тщательно скрытого от населения лживой

пропагандой, является до сего времени неразрешенной загадкой. Большевистская политика и ее критика прошлого естественно привели население к мысли, что все прошлое и настоящее являются каким-то трагическим вечным служением народа государству, которое никогда не заботилось о его нуждах и интересах.

Люди вполне основательно ставят один решающий для них вопрос: а когда же мы сможем сами жить для себя и видеть в лице государственной власти не эксплуататора, а защитника наших личных и общественных интересов?

Как уже отмечено выше, партийная диктатура Сталина утомила людей: люди устали от вечной эксплуатации, бесправия и насилия. Всем хочется покоя душевного, покоя созидательного и личной жизни.

В сознании людей идея устройства личной и общественной жизни путем действительного самоуправления выступает в качестве основной; идеал же государства представляется пока еще в неясных контурах власти отеческой, власти царской, беспристрастно защищающей человеческую личность и ее свободу от всякого обмана, произвола и насилия, вызванного партийной диктатурой.

Февраль 1917-го года привел Россию к торжеству безвластия, в котором каждая партия мечтала стать вершителем судеб России. Неубузданные никем страсти народные привели к такому положению, что о подчинении власти не могло быть и речи. Дисциплина в армии была быстро распатана; грабежи и разбои в городах и деревнях приняли повальный характер при попустительстве местных властей. Власть в то время числилась лишь на бумаге, так как никакой силы и авторитета у нее не было.

Подобрать власть мог каждый, имевший некоторую силу и подобие организации. Задача захвата власти облегалась хаосом и анархией в стране.

Часть народа готова была идти напролом с теми, которые проповедывали идеи создания земного рая. Во время великих потрясений поведение народных масс подчиняется особым законам психологии толпы, ничего общего не имеющих с нормальным поведением отдельного человека. Человек, как часть массы, забывает о человеческих законах и подчиняется действию внушения со стороны различных шарлатанов-вожаров, призванных воспользоваться нереальными, утопическими идеями. Человек тогда превращается в зверя, уничтожающего культуру и традиции прошлого во имя веры в несуществующего кумира.

Это чувство озверения после разрушения ценностей, созданных столетиями, постепенно проходит, но уже после того, как человек обнаруживает, что он сам посадил себя в стальную клетку, уготованную для диких зверей.

Новый симптом возвращения к человеческой действительности давно был доказан стоном людей, с которым даже агенты НКВД были не в состоянии справиться: “За что, братишки, боролись, на то и напоролись!”

Во время начала Второй Мировой войны этот стон претерпел уже более решающее изменение, а именно: “За что нам воевать? За Сталина и за его 400 грамм хлеба?”

Этот стон был отлично понят советской властью, которая неожиданно перешла на внешнее воскресение

прошлого. Неожиданно воскресли Суворовские дивизии, ордена и медали, воскресли “золотопогонники”, снова ожил патриарх, Коминтерн был распущен, появились гвардейские части и т. п.

Одним словом, было сделано все, чтобы одурачить своих союзников и народ.

Война кончилась, а с нею вместе и навесегда были похоронены надежды людей на какую-то реставрацию прошлого. Стальные клетки концлагерей приняли в свои обширные владения новые миллионы людей, подавленных очередному обману советской антинародной власти.

Эксперименты советской власти доказывают всему миру, что:

1) советская коммунистическая власть является антинародной, антидемократической;

2) во время Второй Мировой войны люди защищали не советскую власть, не Сталина, а свою страну в образе миража прошлой России, надеясь на внутренние перемены в стране;

3) Никакая диктатура партийного произвола никогда больше не будет поддержана народом;

4) прошлое России подсознательно живет в сердцах людей;

5) существование коммунистической власти в России представляет международную опасность для всех народов мира;

6) спасение всего человечества заключается в ликвидации советской власти с привлечением к этой борьбе самого русского народа;

7) коммунизм — эта болезнь современного человечества — должен быть повсеместно уничтожен.

Будущность России важна не только россиянам, но и всему миру. В плане создания международного покоя и действительного объединения всех наций, государственный строй будущей России имеет первостепенное значение для всех.

Вопросы государственного строя для каждого народа определяются его историей, его верованиями и культурой. Всякое заимствование из чуждого источника, как показывает большевизм в России, приводит к уродливым результатам, которые не только отражаются на одном народе, но одновременно нарушают гармонию жизни всего человечества.

Люди мало знакомые с историей России, обычно находятся в плену стандартных представлений о том, что монархический строй является диктатурой. Между тем, достаточно поговорить с любым иностранцем, бывавшим в России в царское время, чтобы убедиться в том, что в его понимании прежняя Россия производила впечатление благоустроенного государства, где многое напоминало европейские порядки. Современные дипломаты, живущие в Москве, очевидно, держатся других взглядов о современной России, которая не выпускает их из Москвы далее определенной зоны.

Царская Россия всегда была открыта для всех иностранцев, и последние всегда поражались теми возможностями, которые им открывались в самой России. Страна Советов крепко держит всех за железным занавесом и не допускает общения иностранцев с населением. Само население пуце огня боится иностранцев, разговоры с которыми могут немедленно привести виновных к поездке на Колыму и в другие привлекательные

места, о которых в старое время говорилось как о местах, куда Макар телят не загонял.

Царская Россия свято соблюдала международные договоры и обязательство и была инициатором многих гуманных международных актов.

Советская власть, всегда нарушая любые международные обязательства, ухитряется свою вину перекладывать на весь капиталистический мир, якобы покушающийся на ее независимость.

Ведя освободительные войны и восстанавливая порядок в Европе, русские цари немедленно очищали занятые территории по водворении покоя; советская же власть не только не очищает занятые в Европе территории, а, наоборот, насаждает советскую власть повсюду, рекламируя "образование стран народных демократий". От таких, с позволения сказать, "народных демократий" давно уже приходится тяжело населению покоренных стран...

Свободе слова и печати в царской России могут позавидовать многие из современных демократических стран. Темпы роста промышленности и железнодорожного транспорта обогнали за десятилетие перед Первой Мировой войной передовые, технически развитые страны. Предстояла коренная реформа всего дела народного просвещения.

С другой стороны, современный парламентаризм не только не привился в России, а, наоборот, послужил основанием к ее большевистскому порабощению. Государственная Дума явилась не трибуной народа, а говорильней различных партийных дельцов, стремившихся к великим потрясениям во вред народу и своей стране.

В России будущего, очищенной навсегда от коммунистической диктатуры и от всякой диктатуры вообще, народное представительство займет подобающее ему место.

Принципы нового народного представительства не будут расходиться с принципами монархии, опирающейся на волю всего народа.

Как уже было отмечено выше, народное представительство охватывает прежде всего, вопросы самоуправления, т. е. личную и общественную сферу интересов народа. В России с ее необъятной территорией и разнообразием источников сырья, свободная творческая инициатива людей, ищущих об интересах своего края или области, постепенно перерастет в инициативу общегосударственного значения.

Российская государственность будущего будет строиться всем народом. В новом обществе не будет больше деления людей на классы и сословия; религиозная, расовая, национальная и иная принадлежность людей никогда не создаст для них привилегированного положения. Все люди обретут потерянное отечество на равных основаниях. Окончательно рухнут привилегированные классы, сословия и государственная бюрократия.

Экономической основой будущего являются: 1) свобода труда и творчества, 2) частная, общественная и государственная собственность, 3) частная инициатива во всех отраслях труда и производства, 4) действительная правовая защита населения от всяких покушений извне и внутри государства, 5) ликвидация государственной монополии внешней торговли...

Люди получают возможность трудиться единолично или учреждать любые виды обществ, союзов, това-

Борис Башилов

Морлоки или русские люди?

7

Среди новой эмиграции наблюдается отталкивание и от левых кругов старой эмиграции. От левых новый эмигрант отталкивается из-за их социализма, от правых потому, что часто встречает непонимание происходящего на родине. Основное разделение идет по линии оценки Россия или Совдепия. Для большинства новых это Россия, для некоторой части старых — нынешняя Россия это не Россия, захваченная большевиками, а Совдепия — Эссэрия, страна морлоков. В этом корень всех неполадок между старой и новой эмиграцией.

***

Ненависть к большевизму — дело законное. Ненависть и презрение, перенесенное с большевизма на собственный народ, — дело скверное. Прежде чем поучать иностранцев, что Россия не СССР, части старых эмигрантов — левых и правых, — следовало бы самим усвоить этот взгляд. И тогда бы они не стали презирать тех, кто даже под игом партийных морлоков сумел творить русскую культуру дальше. Не так, как хотелось бы нам, эмигрантам, а так, как это позволяют обстоятельства и физические силы.

***

В своей прекрасной статье "Ветер из глубин" Б. Шириев спрашивает: "Мог ли народ в двести миллионов утратить способность и стремление мыслить?"

По мнению господ Галичей — да. По мнению русских эмигрантов, считающих себя не солью, а только частью несчастной земли русской — нет. Не мог перестать, не перестал и не перестанет. Мы, жившие там, сделали мало для русской культуры, меньше того, чем мы хотели и что мы сделали бы при другой власти, но мы все-таки делали, что могли. И я рад,

риществ и других организаций, направленных к созданию их духовного и материального благополучия.

В соответствии с этим народное представительство будет развиваться в двух направлениях: 1) местные территориальные самоуправления, 2) организации, общества и союзы, представляющие духовные, трудовые, профессионально-производственные интересы всего населения.

На основе принципа российской сорборности этих двух видов народного представительства постепенно возникнут общенародно-государственные учреждения, представляющие все виды местных, духовных и профессиональных интересов всего народа.

Эти учреждения и составят то, что принято называть народным мнением, действительным Всероссийским Земским Собором, опираясь на который, как на волю народную, российский царь беспристрастно, в интересах страны и всего народа выведет Россию на путь торжества подлинной демократии, в которой не будет больше вражды отдельных классов, сословий, групп и государственной бюрократии, в которой все будет гармонично от малого "я" отдельного подданного до высшего "Я" — Царя-Батюшки, действительного отца своей многомиллионной семьи.

Б. Павлов.

что знаю, что русская земля все же, хоть и медленно, но идет вперед в культурном отношении, а не пятится назад, ибо есть в стране не только партийные морлоки, но и интеллигенция. И это мое заявление должно вызвать не подозрение в тайном советстве, а радость, что есть еще пороки в пороховницах у русского народа.

***

Чтобы моя мысль была более ясной, позволю себе описать город, в котором я жил перед войной. До революции в этом губернском городе — центре губернии с четырьмя миллионами населения — было: две гимназии, прогимназия, духовная семинария, два городских училища, коммерческая школа. В городе издавались две газеты, общий тираж которых был около семи тысяч. В настоящее время в этом городе издаются три газеты, общий тираж которых достигает ста тысяч экземпляров. Был бы больше, если бы давали бумагу. В районных городах издается 52 газеты. Раньше — не издавалось ни одной, в городе есть издательство, которое помимо неизбежной партийной макулатуры издает также классиков, детские и технические книги. Книги продаются главным образом в своей области. Средний тираж книги 10 тысяч (средний общероссийский тираж в старое время 3 тысячи). Книги распродаются в течение нескольких месяцев. В городе был медицинский институт, в котором было 800 студентов, педагогический и учительский институт, в котором было больше 1000 человек учащихся. Свыше десяти школ второй ступени, Механический Техникум, Электро-Технический, Ветеринарный, Железнодорожный и Плодоовощный техникумы. Пять профессиональных школ для подростков. Хороший театр с превосходной труппой. Больше десяти библиотек.

***

Я меньше всего склонен живописать успехи советской власти. Все это сделано потому, что жизнь берет свое. Несмотря на большевистскую тиранию, спотыкаясь на каждом шагу, страна все-таки идет вперед. Но не будь советской власти в том же самом городе мы имели бы, конечно, не меньше учебных заведений, а качество преподавания было бы несравненно лучше.

***

У некоторых эмигрантов существует такой ход мыслей: при большевиках стало больше газет, книг, учебных заведений. Значит, советская власть хорошая. Ура Сталину! Надо бежать выбирать советский паспорт.

Есть и другая точка зрения: мы соль земли. После нашего отъезда в России живут одни морлоки. Тот, кто говорит, что там есть интеллигентные люди и что там что-то делается — скрытый большевик.

У нас, антибольшевиков живших и работавших в России, признание поступательного движения нашего народа вперед не может вызвать ни первой, ни второй реакции. Мы не побегим выбирать советские паспорта, но и не будем закрывать глаза на то, что там есть. Ненавидя большевиков, ненавидя партийных морлоков, все же не столь дика, не столь аморальна, как хотелось бы ее врагам и

некоторым "друзьям". Мы не соль земли, мы только часть нынешнего русского народа. Мы были с ним во все его тяжелые годы. Мы ели с ним лебеду, наши сердца обливались кровью при виде коллективизации и раскулачивания. Мы любим наш народ таким, какой он есть, униженным партийными морлоками, в лохмотьях, с грубыми, неприятными для некоторых господ манерами. Мы были сами такими и у нас не хватит совести бросать в него камень. Мы не состояли в партии там, не будем состоять и здесь. Мы своими глазами видели, как, несмотря на жестокий партийный террор из глубин народной души дует свежий ветер расцветающего народного самосознания. И, ненавидя большевизм, ненавидя партийных морлоков, живущих и там, и здесь в зарубежье, мы никому не позволим выдавать наш народ за народ сплошных морлоков. Да, дует ветер из народных глубин. И, вспоминая здесь на чужбине его свежее дыхание, мы искренне радуемся сознанию, что настанет день, когда народ покончит не только с большевизмом, но распространит и с разного рода "прогрессивными мировоззрениями", со всеми видами этничеточного мышления.

***

И еще:

Немецкий ученый Вальтер Шубарт, автор книги "Европа и душа Востока", пишет: "С большевистской революции начинается расплата за французскую, чьим результатом первая является. Большевистская революция стремится сделать Россию европейской, даже американской. Но в конце концов получится Россия, очищенная от Европы. Большевизм так же, как и реформация, является ярким примером парадоксов в истории".

Прав ли Вальтер Шубарт? Надо думать, что прав. Россия либо погибнет в результате большевистских экспериментов, либо освободившись от власти чуждых ей по духу идей, станет Россией без всяких посторонних примесей.

Б. Башилов.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
и поступили в продажу
"ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ "НЕ НАСТОЯЩЕГО" СОЦИАЛИЗМА"
Б. БАШИЛОВА.
Цена в Аргентине — 3 песо.
ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ
"НАШУ СТРАНУ".

"НАША СТРАНА" существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

"НАША СТРАНА"
в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вина Пуэйредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Васильюти, при церкви на ав. Альвар.

Борис Ширяев

Установка прицела

В предыдущей статье “Исная мишень” я стремился поделиться с активным русским читателем своим опытом пропагандной работы, наметая ее объектом среднего человека Запада, обывателя САСШ, Англии, Канады и прочих мест нашего рассеяния. Наиболее радикальным ее методом я наметал выпуск гектографированных бюллетеней на местных языках, содержащих конкретные правдивые сведения о современном состоянии России и настроении ее народа, рассылку этих изданий “на правах рукописи” для информации редакций местных газет, общественных организаций, видных политических деятелей и т. д.

Такой метод пропаганды дешев, доступен даже небольшой группе деятельных людей. В Италии, например, ежемесячный выпуск бюллетеня в десять листов при тираже в 250 экземпляров (больше и не требуется) стоил бы 12—15 тысяч лир, то есть 22 доллара — цена приличного обеда для четверых в хорошем римском ресторане. Смогли ли бы средние зарабатывающие русские люди давать этот “обед” во имя своей Родины? Думаю, смогли бы, если б... захотели.

Но вслед за этим встает другой вопрос, чрезвычайно важный для пропагандиста: “как” излагать материал, “как”, “с какой стороны” воздействовать на объект, чтобы глубже и вернее затронуть его сознание.

Институт Галлуа дает очень невысокие показатели культурного уровня Самми. Например, 12% опрошенных им лиц не смогли ответить ни на один из шести, поставленных простейших вопросов, вроде “что такое Формоза”? Трудно предположить,

чтобы уровень рядового Джонни, Жана или Джованни был бы много выше. А ведь они то и составляют “массив общественного мнения”. По ним, на их базе строят свою политику г. г. Труман, Черчилль, французские прыгуны и прочие, избираемые ими и от них зависящие правители.

Следовательно, информация должна быть построена просто, ясно, коротко, четко, вплоть до примитива, без каких либо риторических упражнений.

Позволю себе пояснить это фактически бывшим примером: в 1946 г. я и мой приятель воронежский хохол Василь работали на ремонте исторической Виа Фламиния. Рабочие-итальянцы, конечно, беспрерывно приставали к нам с расспросами об СССР. Я говорил по-итальянски довольно свободно и детально излагал всю систему победившего социализма. Впечатление было очень слабое. Василь говорил хуже меня и ограничился формулой:

—Мольто лавораре — поко манджаре, — “работать много — есть мало”.

Впечатление получилось очень сильное, настолько сильное, что коммунизированный представитель синдиката вышиб нас с работы.

Нужен ли пафос, воздействие на чувства, эмоцию? Разберемся.

Подлинно трагичная и мастерски написанная книга И. Солоневича “Россия в концлагере”, потрясавшая русских в зоне оккупации, очень мало кого потрясла в западном мире, хотя была переведена на многие языки.

Значительно более слабая книга Кравченко, которую он даже не рискнул выпустить по-русски, произвела очень большой эффект... Этот эффект

усилился вследствие умелого рекламного построения процесса Дон Левиным и достиг зенита в силу грубой ошибки Советов — появления в зале суда жены Кравченко и пикантного скандала.

Потрясающие массовые самоубийства Дахау, Платтинга, Римини, ужас Лиенца вызвали очень слабый отзвук на Западе.

Истерический трюк Косенкиной, имевший очень слабое политическое содержание, в силу ее предыдущих перебежек и колебаний, создал сенсацию и “бум” только потому, что пятидесятилетние дамы довольно редко прыгают из окон домов Нью-Йорка.

Следовательно, “пробуждать чувства добрые” (по Пушкину) совершенно излишне, а вот изумить, хлестануть по нервам, напугать собственным их, Самми, будущим, или заинтересовать сомнительной с нашей точки зрения пошлятиной — иное дело!

Осведомлять обывателя о том, что Российская Монархия была глубоко и истинно прогрессивна, гуманна, что экономика России за последние декады “царизма” росла в необычайном темпе, что “тюрьма народов” — выдумка прохвостов, — совершенно беспечно. Но напомнить им, что русские царя долги платили, а СССР зажал пол-тысячи кораблей САСШ плюс одиннадцать миллиардов долларов помощи; что доллар равнялся 1 р. 94 коп. и торговать с Царской Россией было очень выгодно, много выгодней, чем с “людоедами” — это пойдет и дойдет до их эмоций.

Является ли такое “опошление” русской идеи, приспособление ее к аспекту Запада, сделкой со своей совестью для нас? Снижением пафоса нашей борьбы?

Боговдохновенный проповедник высочайшей в мире и времени Идеи писал: “Для подзаконных я был подзаконным, чтобы приобрести подза-

конных; для чуждых закона — как чуждый закона, не будучи чужд закона перед Богом... Для немощных — как немощный. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых” (Апостол Павел, Посл. 1 Коринфянам. Гл. 9, ст. 20, 21, 22).

Времена демократов - идеалистов, увлекавших за собою хотя бы некоторую часть обывательской массы, канули в вечность. Современный “избранник народа” — только наемный боксер, защищающий интересы группы своих избирателей на партийно-парламентском ринге, всецело зависимый от них и выполняющий их задания. Даже “великие” мира сего не избегают этой участи и их личная мысль, личный опыт, личная убежденность, играют в их действиях второстепенную роль. Вот почему наши обращения к Труману, безусловно логичные протесты против явной несправедливости, вопиющих нарушений здравого смысла — только красивые, благородные жесты, немногим более результативные, чем подвиги Дон-Кихота. С людьми надо говорить на их, а не на своем языке. В этом первое условие “полезного действия” пропаганды.

Обработка общественной мысли Запада должна вестись, главным образом, не в “верхах”, а в “низах”. Работа по намеченной в этих статьях схеме требует малых затрат сил и средств. Она может и должна вестись в каждом центрике русского рассеяния, в возможном радиусе действия. От ее массовости зависит направленность и успех русской акции.

Будем бездействовать и дальше — появление новых СОНР-ов, АБН и прочих, быть может, еще более враждебных народу России и вредных делу его освобождения организаций не избежна и наша личная гибель.

Б. Ширяев.

Глеб Томилин

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

Сидя в своей алтайской пещере, он был информирован о мировых событиях во всяком случае лучше среднего московского обывателя. Кроме случайных советских газет, к нему попадали случайные иностранные, и кроме своих таинственно окультных занятий, он имел менее таинственное радио, которое слушал довольно регулярно. Проходили всякие люди и приносили с собой всякие слухи. Имя генерала Буланина было ему как-то знакомо, но не вызвало почти никаких ассоциаций — какой-то из каких-то старых генералов, почему-то попавший на очень ответственный пост у большевиков. Это было все, что отец Петр мог вспомнить. Но и это было очень много.

Что мог делать генерал Буланин здесь? И был ли это действительно генерал Буланин? Мало ли кто мог получить или украсть портсигар? Отец Петр еще раз осмотрел его снаружи. Металлургических познаний отца Петра оказалось достаточно, чтобы установить, что портсигар был платиновый, то есть, помимо всего прочего представлял собою очень большую ценность. В переднюю крышку были вделаны четыре небольших бриллианта — очень чистой воды.

Раньше на портсигаре были, повидному, какие то монограммы, они были содраны, и можно было рассмотреть тщательно заглаженные следы шрифтов. Отец Петр открыл портсигар. Внутри было дюжины две папирос, тех самых, привилегированных, а на внутренней стороне верхней крышки были выпараны какие-то женские имена, которые отцу Петру не понравились решительно ничего. Дальнейший осмотр портсигара, произведенный по методу Шерлока Холмса, не дал решительно никаких результатов. Отец Петр, однако, продолжал свой осмотр, сойот слез с седла и, почти касаясь головой отца Петра и прищелкивая языком, выражал свое удивление по поводу этой неожиданной находки. Находка так поглотила внимание обоих спутников, что только ликий рев: “Давай сюда!” оторвал их от дальнейших изысканий.

Из-за кустов, держа винтовку почти на прицеле, огромными шагами двигался к ним гигантский китаец. Сейчас же вслед за ним виднелся тот таинственный русский, который по всем вероятностям был генерал Буланин. Это был очень пожилой человек, с резко выраженной ассиметрией лица и с выражением крайнего утомле-

ния и крайней нервности на этом лице. Еще дальше виднелась еще какая то китайская фигура. Сойот отпрыгнул в сторону, хотел было схватиться за свою винтовку, но не сделал этого. Предполагаемый генерал Буланин, как то пронырнув из-под руки гигантского китайца, с протянутой вперед рукой почти бросился к отцу Петру: — Ну, слава Богу, — прохрипел он прерывающимся голосом.

Отец Петр, не двигаясь с места, протянул генералу Буланину портсигар.

— Драгоценная вещь сия, благодарение Богу, найдена, — сказал он богословским тоном.

Генерал Буланин судорожно схватил портсигар, как будто кто то пытался отнять его обратно. И как он ни был возбужден и утомлен, его наметанный глаз заметил, что из глубины рукава отца Петра выглядывает какое то вороненое дуло. Но сейчас генералу Буланину было не до дула.

— Слава Богу, — еще раз прохрипел он и, почти шатаясь опустился на какую то кочку. Видно было, что он дошел до предельного изнеможения — и физического и нервного. Он открыл портсигар и достал папиросу. Потом спохватившись — протянул ее отцу Петру:

— Не закурите ли?

— Благодарствую, сам не допускает.

Генерал Буланин дрожащими руками достал зажигалку. Зажигалка давала осечку за осечкой. Наконец,

папироса была зажжена. Генерал Буланин сразу затянулся почти половиной папиросы и выпустил из себя целый клуб дыма, дипломатически спросил:

— А вы, — чьих вы будете?

Вопрос был средактирован по-сибирски. Но он противоречил всем правилам тайги, где не принято спрашивать никого и ни о чем. Отец Петр скромно потупил глаза.

— Священнослужитель...

— Гм, — сказал генерал Буланин, выпуская новый клуб дыма, — что ж это вы оружием обвешены — как черкес.

— Это, — сказал отец Петр, кладя правую руку на свой наперсный крест, — это, чтобы дух защищать. А это, — отец Петр переложил руку на кобуру пистолета, — а это для плоти. Времена темные. Вот даже и на крест мой наперсный позариться могут — а он просто медный... А позволительно ли спросить — вы куда путь держите?

— Туда, — генерал Буланин ткнул рукой в тайгу.

— Направление неопределенное, — сказал отец Петр, — спрашиваю же я не от любопытства праздного, а поелику идем мы по одной тропе, и как сказано в писании... — Тут отец Петр запылился. Запаса его библейских цитат вполне хватало для Еремея Павловича, но старый царский генерал мог знать Библию значительно лучше отца Петра, не трудно было и провраться. Поэтому отец Петр ре-

LYDIA NORD .

CARTA ABIERTA A VYSCHINSKY

Al fin los aliados comprendieron que no es posible que cientos de miles de ciudadanos que rehúsan volver a su país sean todos criminales, y se dieron cuenta que el deseo de no repatriarse proviene de causas muy profundas. Por eso han terminado con la repatriación forzosa dándonos alojamiento en los campos de la UNRA.

El Politburó no quiso aceptar esto, y entonces comenzaron a llegar al Alto Comando Aliado las "listas negras" con los nombres de aquellos ciudadanos soviéticos a los que los espías de la NKVD iban descubriendo e individualizando en los campos de los aliados.

La NKVD colocaba al lado de cada nombre un crimen cualquiera y Vd. en base a estas listas exigía de los aliados la entrega de las pobres víctimas.

Pero este método les resultó inútil en corto tiempo, pues en el Oeste, además de la acusación formulada contra una persona, es necesario presentar la prueba de la culpabilidad, según lo exige la Jurisprudencia local.

Aquí, en el Oeste, es fácil acusar, pero también es fácil comprobar la inocencia.

Entonces Vd. cambió nuevamente de táctica, y empezó sin resultado, a prometernos montañas de felicidad si retornábamos voluntariamente a nuestra patria. Esta propaganda era para su gente, una tarea muy difícil y arriesgada. A menudo tenían que pedir socorro a los ingleses y americanos para salvarse de ser linchados por nosotros, pues sabíamos muy bien que las palabras cariño-

sas del Politburó son baratas, pero resultan muy caras a los que depositan su fé en ellas.

Nosotros fuimos bien informados por los que tuvieron la suerte de escapar de los "campos de control" de la NKVD, de la manera en que Vd. "recibió" a los primeros que voluntariamente volvieron a la patria, a pesar de que en su mayoría era gente joven. Durante la guerra esta gente cayó prisionera de los alemanos y fue obligada a trabajar como esclavos. ¿De qué se les pudo acusar? ¿Qué culpa tuvieron ante el Gobierno Soviético?

(Continuará)

Р О З Ы С К И

Разыскиваю БОЧАРОВА В. М. с семьей. Работал шоффером такси в Париже. Писать:

Mr. A. Bocharoff,
Sanatorium de L'Argenter,
Accueil du Nord,
Avez (Rhône), France

Шт.-Ротмистр Вс. Ник. СИМВОЛОКОВ просит однополчан — Новороссийских драгун — писать по адресу:
Argentina, Buenos Aires,
calle Brasil 315

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА

В Фонд Издательства "Нашей Страны" поступили следующие суммы:
От А.Н.Г. — \$ 16.00, от Коняева — 400 фр., от Дмитриева — 100 фр.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА "НАШУ СТРАНУ"

шил Писанием не шеголять... — Впродолжение, кто сейчас спешествует о Писании. — грустно закончил он.

— Н-да, — сказал генерал Буланин, — спешествуют мало.

Выкурив в три глотка почти всю папиросу, генерал Буланин, слегка осмотревшись кругом. Первое, что ему бросилось в глаза — были три оседланных коня на двух всадников. Ни один из трех коней не был оседлан в запас, для какого то будущего седока, — кавалерийский глаз генерала Буланина установил это с полной бесспорностью. Было, кроме того, еще три коня под вьюками. На таинственном священнослужителе, кроме какого то револьвера в рукаве и пистолета в кобуре, была за спиной еще и автоматическая винтовка. Вид у священнослужителя был не то, чтобы жуликоватый, а какой то неубедительный. По последней своей практике генерал Буланин знал, что МВД пользуется для своих целей личинами не только священников, но и епископов — правда, личины эти разрабатываются до истинного художественного совершенства. Здесь никакого совершенства не было. Винтовка, даже и автоматическая, была вполне объяснима, но револьвер в рукаве разрушал весь ансамбль. Кроме того — где мог быть третий всадник? Не сидел ли он где то за кустами, вот с такой же автоматической винтовкой? Тогда оба китайца генерала Буланина не стоили бы ни одной копейки. Но оглядываться на кусты генерал Буланин считал не дипломатичным. К удивлению от-

ца Петра он вытащил откуда то из внутреннего кармана своего рваного бушлата пенсне в золотой оправе и надел его на нос. Пенсне было на шнурке, которого отец Петр раньше как то не заметил. Надев пенсне, генерал Буланин посмотрел на отца Петра повнимательнее. Отец Петр сидел, елеинно вздыхая, и вид у него был смиренно-мудрый: конечно, агент МВД, решил генерал Буланин. Было довольно очевидно, что вот этого дядю кто то вроде Медведева или Бермана послал вслед за ним. И, вероятно, не одного его.

Ничего необыкновенного в этом, впрочем, не было: обычная система дерекренивающейся слежки. Систему генерал Буланин понимал очень ясно. Но и до сих пор не мог понять, как именно она реализуется технически. Так, в свое время, французский астроном Камилл Фламарион был вынужден согласиться с волновой теорией света, но признавался: он все-таки никак не может понять, как это световые волны, исходящие из сотен тысяч звезд, не перепутываются по дороге к земле. Генерал Буланин точно так же не мог понять — как вся эта чудовищная система слежки не перепутывается до полного паралича. Он, Буланин, следит за Медведевым и Берманом, Медведев и Берман — за ним, Берман за Медведевым и Медведев за Берманом. И кто то еще за всеми ними тремя. Как это все не перепутается? Здесь была какая то чисто техническая тайна, которой генерал Буланин так до сих пор разга-

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАША СТРАНА

Буэнос-Айрес

Аргентина

Иван Солоневич
ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ
Часть 1.

Цена 2 ам. долл.

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 1. Основные положения.
Цена 1.50 ам. долл.
Часть 2. Дух народа.
Цена 1.50 ам. долл.

В П Е Ч А Т И :

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 3. Киев и Москва.

Проф. М. В. Зызыкин
ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I
Цена 3.00 ам. долл.

Проф. Б. Ширяев (А. Алымов)
ДИ-ПИ В ИТАЛИИ
Цена 2.50 ам. долл.

Заказы адресовать:
VSEVOLOD DUBROWSKY
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires, Argentina

На складе у всех представителей
"НАШЕЙ СТРАНЫ!"
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
"ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ"

"НАША СТРАНА" — газета, которую **НАДО ЧИТАТЬ** номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

дать и не мог. Однако, в данном случае, все это могло иметь катастрофические последствия.

Мысль о новом побеге за границу мелькала в голове генерала Буланина уже не один раз. Мысль была очень неприятной. Еще более неприятной, чем в свое время была мысль о переходе к Советам. В этой последней мысли было какое то шегольство патриотизмом. Он, де, генерал от кавалерии Буланин такой то и такой то, рюрикович, почти знаменитость, приносит в жертву все свое прошлое — всему будущему своей родины. Плоха ли она, хороша ли она, права ли она или неправа — все таки родина. Здесь, конечно, было нечто вроде вызова всей остальной эмиграции. И в этом вызове была своя гордость. Но с чем явиться в эмиграцию обратно? Покаяться в том, что на старости лет он, генерал от кавалерии П. А. Буланин, оказался просто напросто глупцом? Или, что было бы еще хуже, вызвать подозрения в том, что переход на советскую сторону оказался недостаточно высоко оплаченным?

Всю корреспонденцию, предназначенную для Редакции и Издательства "НАШЕЙ СТРАНЫ" — простую, заказную и денежную — следует направлять по адресу:

Vsevolod Dubrowsky,
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847,
Buenos Aires, Argentina

"НАША СТРАНА"
ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tijnovich, Calle Montevideo 496 — Asunción.

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657 Bras. Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Inés, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Pádin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. G. Malysheff, 1530 W 7 Ave. Vancouver B. C.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Th. Seuberlich, Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 8 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.

Mr. Domansky, 329, Catherine Street Leichhardt, Sydney (N. S. W.)

Mr. P. Ostashkevich, Woodside Immigration, Centr. Camp., S. Australia.

Конечно, на русской эмиграции свет не клином сошелся. Его платиновый портсигар и еще кое какие безделушки дадут ему года два передышки. За это время можно будет написать сенсационную книгу. А там? Там видно будет.

В Москве в Неелове, и в других таких местах, эти мысли мелькали какой то абстракцией. И только попав в тайгу, генерал Буланин — в первый раз за много времени почувствовал, так сказать, отсутствие атмосферного давления. Правда, и тут были два этих китайца с их разбойничьими рожами, но у генерала Буланина был пистолет, и отделаться от обоих в любой момент не представляло никакой трудности. Трудность заключалась в том, что же он, генерал Буланин, стал бы делать в тайге без этих китайцев? Карта района у него была, даже еще и "воздушной съемки". Но сил уже не было. Без всякого груза на спине, генерал Буланин уставал через пять-десять верст ходьбы: годы уж не те. Да и городская жизнь сказывалась. Во всяком случае, вольный воздух тайги и гор, отсутствие решеток, ощущение свободы, хотя и ограниченной наличием этих двух китайцев, но все-таки свободы, все это настраивало генерала Буланина на некоторые размышления. Эти размышления не были веселыми: он попал в ловушку, в капкан. И попал по собственному просчету.

(Продолжение следует).